

*Егор Гайдар,
директор Института экономики переходного периода*

Революция и постреволюция: стабилизация, нестабильность, Термидор? О текущем историческом моменте и его истоках.

Я не сразу согласился с оценкой происходивших в России событий в конце 1980-х – начале 1990-х годов как с революцией, но с течением времени авторы меня в этом убедили. Подобно тому, как все мы вышли из гоголевской "Шинели", так и слово "революция" для нас, насколько бы рационально мы к нему ни относились, является красивым и хорошим, а "революционные преобразования", особенно в контексте "великой революции", – это вообще что-то замечательное. Такая установка создает фундаментальную проблему использования этого термина, потому что на самом деле любая революция, особенно великая, – страшная трагедия для общества, которое ее переживает. Она влечет за собой приговор элитам предшествующего режима, которые не смогли избежать великой революции, страшную перегрузку всех общественных институтов, ломку этих институтов, длительный период общественной дезорганизации и почти неизбежно – масштабное насилие. А если не возникает масштабного насилия, то складывается ситуация масштабной недопопуляции в связи с той же социальной перегрузкой.

Когда мы обозначаем какие-то процессы как "великую революцию", то речь идет о масштабной катастрофе. К сожалению, советская элита не смогла избежать такой катастрофы, которая очень дорого стоила нашей стране. Но даже в выступлении авторов на радио "Эхо Москвы" чувствовалось, что и выступающие, и слушатели, и ведущий не могли отказаться от ощущения революции как чего-то красивого и замечательного. И если уж мы договариваемся использовать этот термин, то давайте одновременно договоримся и об его эмоциональном знаке, о том, что определение событий минувшего десятилетия как

великой революции говорит о том, что в России произошла одна из тех масштабных катастроф, которую, к сожалению, вынуждены переживать некоторые страны.

Если же говорить о прогностических возможностях использованного метода, то на самом деле великих революций в мировой истории было мало. Большинство исследователей включают в ряд "великих" английскую и французскую революции, русскую революцию 1917-1929 гг., китайскую и мексиканскую революции. Под вопросом находится включение в этот список иранской революции 1979 года и ряда других. И на этом материале практически невозможно построить строгую, статистически верифицированную теорию революции. Хотя с экономической точки зрения развитие событий в рамках перечисленных революций всегда было связано с утратой государством способности собирать налоги и контролировать расходы, с долгосрочным финансовым кризисом, инфляционным или связанным с неплатежами, как это было во время английской революции, с длительным периодом слабо защищенных прав собственности и высоких транзакционных издержек, с усталостью общества от всего этого, и, в конце концов, – с постепенным восстановлением способности государства собирать налоги или ограничивать издержки и, соответственно, обеспечивать выполнение контрактов и снижение транзакционных издержек. Эти черты действительно схожи как в великих революциях прошлого, так и в российских событиях последнего десятилетия.

Но это сходство исчерпывается на этапе постреволюционной стабилизации. Данный инструментарий полезен для анализа революции до момента ее окончания. Потому что именно в этот период возникает широкая свобода для реализации самых различных политических линий элиты, сформировавшейся во время революции. В этой связи мне представляется малопродуктивным построение закономерностей, которые будут действительны и для ситуации в СССР в 1921-1929 гг., и для Французской революции после прихода к власти Наполеона и Бурбонов, и для Английской революции после Карла II. Власть укрепляется, получает широкую свободу маневра и во многом действует так, как диктуют ее приоритеты, вытекающие из доминирующих в мире идеологических тенденций. Но как будут развиваться события у нас – предсказать практически невозможно.

В обсуждении этой темы есть еще один принципиально важный момент. Именно в период постреволюционной стабилизации формируется некий набор институтов, который так или иначе функционирует впоследствии. Уровень гибкости этого набора институтов, его способность меняться в зависимости от меняющихся требований жизни принципиально важны для перспектив развития страны. Английская революция с течением времени сформировала поразительно гибкий набор институтов, позволяющий гарантировать права собственности и самоизменяться в зависимости от социальной ситуации, который был основан на прецедентном праве, разделении властей и т. д. Российская революция 1917 г. сформировала поразительно негибкий набор институтов. В определенной степени он был эффективен для решения задач индустриализации, но при этом поразительно негибок. База для второй русской революции конца XX века была заложена в наборе институтов, сформированном в Советском Союзе в 1921-1929 гг., который действительно способствовал решению задачи форсированной индустриализации, но оказался абсолютно не приспособлен к изменению в зависимости от возникающих вызовов.

На мой взгляд, русская революция конца XX века является первой парной революцией, т. е. революцией, основы которой были заложены в режиме, сформировавшемся после первой русской революции 1917-1929 гг. Я боюсь, что через некоторое время мир будет наблюдать за второй парной революцией, которая на этот раз произойдет в Иране. У меня есть опасения, что сформированный в рамках первой иранской революции 1979 года режим сейчас оказывается недостаточно гибким для того, чтобы самотрансформироваться без революционной ломки, без очередных крупномасштабных потрясений.

Поэтому для нас предельно важно, чтобы режим, который сформируется сегодня, после второй русской революции, не повторил бы ошибок, которые мы уже один раз сделали между 1917 и 1921 гг. Нельзя допустить, чтобы он заостенел, чтобы, эффективно решив сегодняшние задачи экономического развития России, впоследствии он оказался неспособным к изменениям в условиях динамично меняющейся реальности XXI века.